УДК 001.4

Т.В. Шмелева

ПАМЯТЬ ТЕРМИНА: *ЯЗЫКОВЕДЕНИЕ, ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ЛИНГВИСТИКА*

В статье предлагается понятие «память термина», которое помогает показать, что термины, с помощью которых обозначается наука о языке, не могут быть признаны абсолютными синонимами. Память термина «извлекается» из лингвистических работ разных эпох, приходится по существу рассмотреть в самом кратком виде историю русского языковедения, которое сменяло наименование в исторических обстоятельствах и сменах научных парадигм. К рассмотрению привлекаются труды Ф.И. Буслаева, А.И. Бодуэна де Куртенэ, В.В. Виноградова и других ученых.
Ключевые слова: *наука, термин, синонимы, языкознание, языковедение, лингвистика.*

Если надо привести пример полных, или абсолютных, синонимов, охотно приводят термины, обозначающие науку о языке: *лингвистика, языкознание, языковедение* [1. С. 54; 2. С. 119; 3. С. 446]. Эта информация есть и в учебнике, по которому «вводились в языковедение» многие поколения филологов: «В синонимической номинации следует различать те случаи, когда синонимы не зависят от контекста, т.е. в любом контексте могут заменять друг друга, без стилистического различия, например: *огромный – громадный, бегемот – гиппопотам, аэроплан – самолет, языковедение* (дублет: *языкознание*) *– лингвистика*…» [4. С. 94]. Между тем в предисловии к этому изданию можно прочесть, что впервые книга вышла в 1947 г., затем в 1955 и 1960 гг. публиковалась как «Введение в языкознание»: «изменение названия было вызвано номенклатурой программы для вузов». В 1967 г. «автор предпочел вернуться к старому названию» – «Введение в языковедение» [4. С. 5]. Кстати сказать, в 1970 г. мы учились по этому учебнику, а курс назывался «Введение в языкознание», так что номенклатура оставалась прежней. Что же заставило автора вернуться к предыдущему названию, тем более если они – дублеты?

Если опираться на названия вузовских курсов и учебные пособия к ним, то к этому синонимическому ряду придется добавить *лингвистические учения* ([5, 6] и др.), *науку о языке* [7], *теорию языка* [8]. Сосредоточимся, однако, на первых трех терминах.

Первое, что необходимо отметить, все они довольно молоды: историю свою ведут с середины XIX в. «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра начинается с краткого обзора ее истории, из которого узнаем, что ее составляют три фазы развития: грамматика, филология, сравнительная грамматика и, наконец, «*лингвистика* в точном смысле этого слова», формирование которой начинается в 70-е гг. XIX в. [9. С. 39–42]. Иначе говоря, в течение двух тысячелетий европейская лингвистика медленно, но идет к своему истинному объекту – языку в его системном устройстве, социально-психологических аспектах и исторической перспективе. Русская наука о языке начинает фор-

мироваться в середине XVIII в. и, опираясь на уже достигнутое, проходит в ускоренном темпе все названные Соссюром «фазы развития».

Первые работы о языке именуются грамматиками – В.Е. Адодурова, М.В. Ломоносова, А.А. Барсова, А.Х. Востокова [10, 11, 12, 13, 14]. Позже публикуются «Филологические наблюдения над составом русского языка» Г.П. Павского (1841–1842) [15. С. 195]. Сравнительно-историческое направление, родоначальником которого был А.Х. Востоков, набирает силу в середине столетия и одновременно с европейской наукой русская подходит к формированию теоретических представлений о языке.

Об этом этапе развития науки можно судить по книге Ф.И. Буслаева 1844 г. – одной из первых работ о преподавании русского языка как родного с учетом идей европейской лингвистики. Эта книга выросла из преподавательского опыта автора и его знакомства с теоретическими трудами и дидактическими системами Германии, Франции, Италии. Она была воспринята как новая и революционная [16. С. 11]. Нетрадиционной была и ее терминология. Анализируя труды европейских ученых и «позади чужих мнений ставя собственную критику» [16. С. 25], Ф.И. Буслаев активно использует термин *лингвистика* [16. С. 26, 61, 75, 78, 79], имея в виду лингвистику европейскую. Учитывая, что во французском языке этот термин зафиксирован в 1833 г. [17. С. 482], а Буслаев был в Европе в 1838—1841 гг. [16. С. 10], можно сказать, что он был знаком с терминологией, на тот момент самой современной.

Европейский термин он использует как синоним славянского *языкознание*: «современные блистательные успехи филологии и *лингвистики* заставили педагогов основательнее вникнуть в язык. Кто понял *сравнительное языкознание*, для того уже не существует непроходимого средостения между своим, т.е. русским, и между чужеземным» [16. С. 26]. Из этого можно сделать вывод, что термином *лингвистика* Буслаев именует и науку о языке вообще, и ее конкретные направления: он говорит о *сравнительной лингвистике* на той же странице, где и об уже упомянутом *сравнительном языкознании* – ясно, что это одно и то же.

Пара терминов – *лингвистика* и *языкознание* – используются примерно равное число раз (8/7), и здесь выявляется их различие: производные возможны только от первого: *лингвист* [16. С. 29, 75], *лингвистический* [16. С. 28, 29, 30, 78, 79, 80], *лингвистически* [16. С. 29]. Примечательно, что однажды в книге появляется термин *языковедение* в характерном сочетании *русское языковедение* [16. С. 197]. Кроме того, можно найти и выражения *теория языка* [16. С. 91] и *наука о языке* [16. С. 192].

Итак, книга Буслаева 1844 г. (которую воспринимают скорее как методическую, а не лингвистическую) предъявила читающей публике интересующую нас терминологию во всей полноте. Однако сказать, что от нее и идут традиции использования терминов, невозможно по ряду причин. Во-первых, как уже было сказано, книга прочитана в первую очередь педагогической общественностью. Во-вторых, в дальнейшей деятельности Буслаев занимается не общей теорией языка – он прославился как автор «Исторической грамматики» [18] и основатель русской исторической словесности. Характерно при этом, что в речи памяти Ф.И. Буслаева его называют *лингвистом,* под-

черкивая его роль в формировании *сравнительного языковедения* [19. С. 480–493].

Интересно проследить, как использовал интересующие нас термины лингвист уже другого поколения – И.А. Бодуэн де Куртенэ (он родился через год после выхода обсуждаемой книги – в 1845 г.). В 1870 г. молодой ученый читает в Санкт-Петербургском университете вступительную лекцию «Некоторые общие замечания о *языковедении* и языке» и затем публикует ее изложение в Журнале Министерства народного просвещения [20. С. 386; 21. С. 103]. Стоит напомнить, что докладчик к этому времени уже получил ученые степени магистра в Варшаве и доктора в Германии (у самого Шлейхера!) и, безусловно, был знаком с термином *лингвистика:* он встречается в тексте, как и прилагательное от него – *лингвистический*. Однако в название лекции выносится *языковедение* (вспомним *русское языковедение* у Буслаева!). А когда через много лет Бодуэн де Куртенэ становится профессором Петербургского университета, он ведет курс «Введение в *языковедение*» (1908), ставший знаменитым [22].

В 1888 г. в Дерпте (так тогда назывался Тарту, где он работал в университете) ученый читает публичную лекцию «О задачах *языкознания*», а затем публикует текст по-польски в варшавском периодическом издании «Prace Filologiczne» (Т. 3, 1891) [21. С. 116]. В 1904 г. для словаря Брокгауза и Эфрона пишет статью «Языкознание» [21. С. 116] с упоминанием *языковедения*, *лингвистики,* их дериватов и даже известных скорее в Польше *глоттики* и *глоттологии* (http: //www.vehi.net/brokgauz/index.html). Лишь упоминаемый ранее термин *лингвистика* в 1900-м фигурирует в названии «*Лингвистические* заметки» [22. С. 121—122]. И вот замечательный для нашего расследования факт: в 1901 г. выходит его статья «*Языкознание, или Лингвистика* в XIX веке» воспринимаемая и сейчас как программная для наступившего тогда века [23, 24] и как бы уравнивающая интересующие нас термины. Таким образом, в текстах ученого обнаруживаем все три термина, при этом выясняется, что исторически *языковедение* предшествует *языкознанию* и *лингвистике*.

Для изучения терминов важно проследить их номенклатурное использование – для именования учреждений и их отделений, изданий, учебных курсов. Такого рода информация, как правило, не фиксируется в терминологических словарях, но именно она может объяснить бытование термина, предпочтение его теми или иными учеными и другие важные обстоятельства. В этом отношении следует признать первичность термина *языковедение*: И.А. Бодуэн де Куртенэ в 1875 г. защищает в Петербургском университете диссертацию «на степень доктора сравнительного *языковедения*» [20. С. 382]; в Московском университете в 1884 г. кафедра сравнительной грамматики индоевропейских языков переименована в кафедру сравнительного *языковедения* и санскрита [25. С. 304–305]. В университетах читают курсы и выпускают учебные книги с использованием этого термина, например: Н.В. Крушевский (Казань, 1891), Ф.Ф. Фортунатов (М., 1901), В.К. Поржезинский (М., 1907), В.А. Богородицкий (Казань, 1915), В. Томсен (М., 1938), А.А. Реформатский (М., 1947, 1967), В.Н. Кочергина (М., 1979). Казалось бы, вот более чем столетняя (с 1870 г.) традиция, согласующаяся с принципами наименования дру-

гих наук и научных дисциплин, укорененная, так сказать, в язык русской науки, как показано при анализе термина *речеведение* [26].

Однако факты говорят о том, что эта традиция не единственная. В Петербургском университете в 1904 г. выходит «Очерк истории *языкознания* в России» С.К. Булича; в Юрьеве (Тарту) в 1913 г. – «Введение в *языкознание*» Д.Н. Кудрявского; много позже – книга Л. Якубинского «Элементы *языкознания* и истории языка в школе» (Л., 1936). Этот термин, как можно видеть, стал популярным в столице. Предпочитала его и советская власть: если в 1918 г. в составе Московского университета организовали институт *языковедения,* то уже в 1922 – кафедра сравнительного языковедения получает наименование «общего и сравнительно-исторического *языкознания*», существующее до сих пор, и курсы именуются «Введение в *языкознание*» и «Общее *языкознание*» [25. С. 312].

Что касается *лингвистики*, она оказывается в меньшинстве: кроме названных текстов Бодуэна де Куртенэ, она, видимо, появляется при обсуждении доклада о курсе Ф. де Соссюра в Московском лингвистическом кружке в 1918 г. и в публикации перевода курса в 1933 г. [9. С. 28].

Итак, к середине прошлого века в нашей науке сложилась ситуация множественности ее именования – при этом из целого ряда упомянутых терминов основными оказываются *языковедение*, *языкознание* с преобладанием первого. Надо признать, что эта ситуация не уникальна: аналогично бытуют пары *искусствоведение* и *искусствознание; обществоведение* и *обществознание, естествоведение* и *естествознание*. Эти факты можно воспринимать как проявление того обстоятельства, что в русской терминологии сложились синонимичные модели производных слов для именования наук – композиты со вторым корнем *-ведение* и *-знание.* При этом более продуктивна, безусловно, первая: по данным грамматического словаря, слов с *-ведение* около 50; а со *-знание* – только 3 [27. С. 254, 251]. Соотношение этих терминов в каждой науке складывается по-своему, что могло бы стать темой отдельного исследования. Так, в монографии о формировании русской терминологии искусствознания утверждается, что *искусствоведение* используется только как основа для прилагательного *искусствоведческий,* наука же именуется *искусствознанием* [28. С. 230 и др.].

Что же касается нашей науки, то с приведенными указаниями на полную синонимичность терминов согласиться трудно. Наверное, поэтому появляются объяснения их различий. Одно из них можно назвать чисто стилистическим: термины служат для замещения, «что позволяет избежать однообразного повторения одних и тех же слов: «Академик Виноградов внес большой вклад в развитие отечественного *языкознания*. Его труды стали достоянием мировой *лингвистики*» [3. С. 446]. Как иллюстрация такого объяснения выглядит обозначение издания, в котором во второй раз опубликован «Курс общей *лингвистики*» Ф. де Соссюра: книга называется «Труды по *языкознанию*», а выходит она в серии «*Языковеды* мира». Подтверждения можно найти и в актуальных текстах, например, статья о нынешнем состоянии нашей науки начинается так: «На современном этапе развития науки, которую мы привычно называем *языкознанием*, категория «коммуникативная компетенция» становится центральным стрежнем, который должен скрепить конст-

рукцию новой теоретической парадигмы. В работах *языковедов* все чаще звучит мысль о том, что *лингвистика* давно уже перестала быть только лишь «наукой о языке» [29. С. 183]. Такие примеры можно было бы привести еще, но все равно это объяснение не кажется исчерпывающе полным и исторически точным.

Можно предложить функциональное объяснение: *языковедение* – русский термин, но он громоздок; *языкознание* – аналог польского *jkzykoznawstwo*, но нельзя не заметить: польский легко образует производные *jkzykoznawca* ′лингвист, языковед′ и *jkzykoznawczy* ′лингвистический′ [30. С. 300]. Тогда остается думать, что термины составляют своеобразную супплетивную деривационную парадигму: *языкознание → языковедческий → лингвистически.* А субстантивы, как уже объяснялось, используют во избежание однообразия номинаций науки в тексте. Но и это не убеждает до конца.

Интересным кажется такое объяснение**:** «Слово *лингвистика* появилось в русском языке как название науки о языке, синоним *языкознания* и *языковедения.* Как всегда бывает в языке, с одной стороны, синонимы конкурировали между собой, с другой – слегка расходились их значения. Слово *языковедение* тихо уходило из языка, название *языкознание* закреплялось за уже давно существующими и давно известными научными областями, а лингвистика – за научными направлениями более новыми и современными. Поэтому, скажем, со словом *традиционный* лучше сочетается *языкознание,* а *традиционная лингвистика* как-то менее привычно. Наоборот, *структурной лингвистикой* называют одно из главных направлений этой науки в двадцатом веке, а *структурное языкознание* совсем не звучит. Просто, так не говорят» [31. С. 62–63]. Учтем, что цитируется текст научно-популярный, но все-таки трудно отделаться от ощущения, что все не так просто.

Кажется, к более убедительным выводам можно прийти, обратившись к понятию *память термина*, которое близко к понятию *культурной памяти* нетерминологичного слова [32, 33, 34, 35]. Говоря совсем просто, это как бы привязанная к слову (следующая за ним тенью) информация о том, *кто, когда и при каких обстоятельствах* его использовал, каковы *традиции* его применения. Память лингвистического термина включает информацию об эпохах, лингвистах, сменах парадигм.

Во многом из того, что уже сказано, становится ясно, что *языковедение* – первичный термин, освященный традицией дореволюционного университетского бытования. Потому он оказался не в чести у советской власти, которая предпочитала освобождаться от дореволюционных номинаций; достаточно вспомнить, какие решительные изменения пережил российский ономастикон [36]. Советские языковеды предпочитали *языкознание* – этот термин был своеобразным знаком лояльности (вынужденной или свободной – это другой вопрос). Симптоматично, что заголовки ключевых публикаций в дискуссии о судьбе марризма включали именно этот термин: «О двух направлениях в языкознании» (Ф.П. Филин, 1948); «О некоторых вопросах советского языкознания» (А.С. Чикобава, 1950).

Окончательно ситуация определяется, когда выходит в свет статья Сталина «Относительно марксизма в языкознании» (Правда. 1950. 20 июня), по-

ставившая точку в дискуссии о путях развития советского языкознания и наследии Марра. Отныне термин *языкознание* канонизируется и становится практически единственно возможным: создается Институт *языкознания* АН СССР, начинает выходить журнал «Вопросы *языкознания*». Публикуются новые курсы: Будагов Р.А. Очерки по *языкознанию* (М., 1953); Иванов Вяч.Вс. Основы *языкознания* (М., 1958); Звегинцев В.А. Очерки по общему *языкознанию* (М., 1962); Степанов Ю.С. Основы *языкознания* (М., 1966). Входит в оборот выражение *советское языкознание* – см., например, [37]. Специалисты же в языкознании продолжали именоваться *языковедами*, так как *языкознание* образовать имена лиц не позволяет.

На этом фоне два других термина стали восприниматься как его неканонические варианты и приобрели новые смыслы: *языковедение* – напоминание о традициях отечественной науки (не потому ли Реформатский вернулся к нему?), а *лингвистика* – ориентации на западные идеи структурализма.

Именно с такими коннотациями этот термин начинает жить в нашей стране – в сочетании с прилагательными *математическая, структурная, прикладная*. В 1959 г. в Ленинграде проходит первое совещание по математической *лингвистике*, в 1960 г. начинает выходить серия книг с переводами работ зарубежных ученых «Новое в *лингвистике*»; в ряде университетов открылись отделения теоретической и прикладной (или математической) *лингвистики*; в 1961 г. в МГУ создается кафедра структурной и прикладной *лингвистики* [25. С. 349–351]. Здесь читают математику, семиотику – и не «Введение в языкознание», а «Теорию языка». Это направление науки воспринималось как более современное и свободное от традиций марксистского языкознания. Можно сказать, что к этой части науки относились главным образом исследователи чужих языков, особенно редких, тогда как традиционной во многом оставалась русистика.

К концу 1970-х советские языковеды стали говорить о себе *лингвисты*, так именовалась специализация на филологическом факультете – и выражение *советская лингвистика* уже не казалось невероятным. Одно из проявлений такой идентификации – требование изменить название серии «Новое в лингвистике» – с 1978 г. она выходит как «Новое в *зарубежной лингвистике*». Но я хорошо помню, как подозрительно относились к слову *структурализм*, как требовались от лингвиста свидетельства верности марксизму и полемика с империалистической буржуазной лингвистикой Запада.

В постсоветскую эпоху разрыв между русистикой и исследованиями других языков стал стремительно сокращаться – самая разнообразная информация доступна всем, а идеологического контроля нет. Казалось, пришло время полного признания термина *лингвистика* и объединения под его сенью всех, кто изучает язык, в рамках «мировой лингвистики и национальных лингвистик» [38]. За этим мог бы последовать отказ от пропитанного советским духом *языкознания*, но этого не происходит: курсы «Введение в языкознание», «Общее языкознание» – в учебных планах филологических факультетов, а это поддерживает традицию, работает Институт языкознания РАН и журнал «Вопросы языкознания» – один из самых авторитетных в нашей сфере.

Значит, продолжаем жить со множественностью именований нашей науки? Да, но осознавая их непростые отношения. Понимание этих сложных моментов, как кажется, входит в профессиональную компетенцию лингвиста.

Итак, память терминов, называющих нашу науку, хранит ее историю, иногда весьма драматичную. Понятно при этом, что в восстановлении картины нам удалось снять только самый верхний слой – номинации учреждений, книг, докладов; а интересно было бы собрать рассуждения лингвистов об этих терминах и другие данные. Кроме того, эта история не завершилась: изменяется жизнь термина *лингвистика*. Факультеты иностранных языков теперь носят название «лингвистики и межкультурной коммуникации» – и лингвистика как-то незаметно стала называть знание иностранных языков. Значит, термин перемещается из науки в практическую область? Ведь многие лингвисты не умеют написать лингвистическую статью, да и читают их не часто. Об этой подмене уже пишут с тревогой: «Украли слово!» [31. С. 62–67]. Но что это означает для его судьбы, пока не ясно. Нельзя не заметить и «размножение» лингвистик: *социо-, психо-, политическая…*, с одной стороны, с другой – *лингвориторика*, *лингвопрагматика…* – термин теряет самостоятельность, превращаясь едва ли не в аффикс. Прилагательное же *лингвистический* стало широко употребляться в медиасфере в значении «языковой», что трудно признать оправданным.

Наблюдения за этими процессами, а значит, и обогащением памяти терминов обещают возвращение к сюжету.

Литература

1. *Бережан С.Г.* К семасиологической интерпретации явления синонимии // Лексическая синонимия: сб. ст. М., 1967. С. 43–56.

2. *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. 280 с.

3. *Новиков Л.А.* Синонимия // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990. С. 446–447.

4. *Реформатский А.А*. Введение в языковедение. 4-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1967. 542 с.

5. *Кондрашов Н.А*. История лингвистических учений: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1979. 224 с.

6. *История* русских лингвистических учений: методические и хрестоматийные материалы / Перм. ун-т; сост. Т.И. Ерофеева. Пермь, 1998. 152 с.

7. *Черемисина М.И*. Язык и его отражение в науке о языке / отв. ред. Н.Б. Кошкарева, А.А. Мальцева. Новосибирск: НГАЭиУ, 2004. 228 с.

8. *Норман Б.Ю.* Теория языка: Вводный курс: учеб. пособие. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 296 с.

9. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики (1931) / пер. с франц. А.М. Сухотина; под ред. А.А. Холодовича // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 7–285.

10. *Успенский Б.А*. Первая русская грамматика на родном языке: (Доломоносовский период отечественной русистики). М.: Наука, 1975. 232 с.

11. *Ломоносов М.* Российская грамматика. СПб., 1755 (факсимильное издание – М.: Худож. лит., 1982).

12. *«Российская* грамматика» А.А. Барсова / подгот. текста и коммент. М.П. Тоболовой; ред. и предисл. Б.А. Успенского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 776 с.

13. *Востоков А.Х*. Сокращенная русская грамматика для употребления в низших учебных заведениях. СПб., 1831.

14. *Востоков А.Х*. Русская грамматика по начертанию сокращенной грамматики, полнее изложенная. СПб., 1831.

15. *Виноградов В.В.* Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова). М., 1958. 400 с.

16. *Буслаев Ф.И.* Преподавание отечественного языка. М., 1992. 512 с. (Воспроизводит первое издание книги – 1844 г.; в 1867 выходило 2-е; затем в 1941 г. – 3-е, сокращенное).

17. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13 560 слов: Т. 1: А – Пантомима. М.: Рус. яз., 1993, 623 с.

18. *Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика. М., 1959. 623 с. (воспроизводит 5-е изд. 1881 г.; 1-е изд. вышло в 1858).

19. *Будде Е.* О заслугах Буслаева как ученого лингвиста и преподавателя: (Речь, читанная в торжественном заседании Казанском обществе археологии, истории и этнографии 28 сентября 1897 года) // Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка. М., 1992. С. 480–493.

20. *Щерба Л.В.* И.А. Бодуэн де Куртенэ (1930) // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 381–394.

21. *Boudouin de Courtenay J.N.* Dzieła wybrane. Warszawa, 1974. Т. 1.

22. *Бодуэн де Куртене И.А.* Введение в языковедение. 6-е изд. / предисл. В.М. Алпатова. М., 2004. 320 с.

23. *Кибрик А.Е.* Куда идет современная лингвистика? // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: Тез. междунар. конф. Т. 1. М.: Филология, 1995. С. 217–220.

24. *Алпатов В.М.* Сто лет, или Сбываются ли прогнозы? // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 114–121.

25. *Филологический* факультет Московского университета: очерки истории. М., 2001. 557 с.

26. *Шмелева Т.В.* О термине речеведение // Лингвистический ежегодник Сибири / под ред. Т. М. Григорьевой. Красноярск, 1999. Вып. 1. С. 32–38.

27. *Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка: словоизменение. М., 1977. 880 с.

28. *Лисицына Т.А.* Язык русской науки второй половины XVIII века: терминология искусствознания. СПб., 1994. 235 с.

29. *Седов К.Ф.* Модель коммуникативной компетенции (онтологический, аксиологический, гносеологический аспекты) // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной. Саратов, 2010. Вып. 10. С. 183–210.

30. *Sobol E.* Podręszny słownik języka polskiego. Warszawa, 1999.

31. *Кронгауз М.* Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак: Языки славянских культур, 2007. 232 с.

32. *Шмелева Т.В.* Культурная память слова. Хам // Новгородский университет. 1998. 4 дек. № 37. С. 13. (Речь о речи).

33. *Шмелева Т.В.* Культурная память слова. Декан // Университетская жизнь. Красноярск, 1999. 10 февр.

34. *Шмелева Т.В.* Культурная память слова. Губернатор // Университетская жизнь. Красноярск, 1999. 24 февр.

35. *Бартвицка Х., Шмелева Т.В.* Культурная память слов ваучер, губернатор, хам в русском и польском языках // Słowotwórstwo, semantyka i składnia języków słowiańskich / pod red. M. Blicharskiego. Tom 2. – Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu śląskiego. – 2000. – S. 81–90.

36. *Поспелов Е.М.* Имена городов: вчера и сегодня (1917–1992): топонимический словарь. М., 1993. 250 с.

37. *Березин Ф.М.* История советского языкознания: Некоторые аспекты общей теории языка: хрестоматия. М., 1981. 351 с.

38. *Алпатов В.М.* Мировая лингвистика XX века и национальные лингвистики // Вопросы филологии. 2001. №3. С. 16–24.

Shmeleva Tatiana V., Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russian Federation). E-mail: klassika4@yandex.ru

MEMORY OF THE TERM: *YAZYKOVEDENIE, YAZYKOZNANIE, LINGVISTIKA*.

Keywords: science, term, synonyms, yazykoznanie, yazykovedenie, lingvistika.

In the article there are analysed three names of the language science, used in domestic scientific practice and usually qualified as absolute synonyms. The thesis about their absolute synonymy is not questioned as a result of the analysis of their denotative meanings, but of such their property, which is of-

fered to be designated as the "memory of the term". This property of the term depends on who, when and where used it: the authors, the time, and the scientific and socio-cultural circumstances are significant.

Special attention is paid to the book by F.I. Buslaev *On the Teaching of the National Language* (1844), which is studied first of all by the specialists in teaching the Russian language at school. Meanwhile, it contains important information about the analysed terms: F.I. Buslaev uses all the three terms, giving preference to *lingvistika* and *yazykoznanie*. In this case he speaks about *lingvistika* referring to the European one, which is essential for the word with the Latin root.

It is claimed that J. Baudouin de Courtenay started the domestic tradition of terminological designation of the language science. In his works all the three terms can be found: at the beginning only *yazykoznanie*, then *yazykoznanie* and *lingvistika,* brought into line in his famous work "*Yazykoznanie* or *lingvistika* in the 19th century" (1901).

A special source is the practice of naming the departments in Russian universities, academic disciplines and scientific degrees. In this case there exists a more than century-old tradition of using the term *yazykovedenie*. During the Soviet era the term *yazykoznanie* was the most usable, for, as we know, it was part of the title of the famous article by Stalin "Otnositelno marksizma v *yazykoznanii*" (*Marxism and Problems of Linguistics*), published in June 20, 1950 issue of *Pravda*. Soon after it *Institut yazykoznaniya AN SSSR* (Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences) was created, the journal "Voprosy *yazykoznaniya*" was published, new courses "Vvedenie v *yazykoznanie*" (Principles of Linguistics) and "Obshchee *yazykoznanie*" (General Linguistics) appeared.

Nowadays the term *yazykovedenie* has the rate of archaism, *yazykoznanie* – of the Soviet era, and the term *lingvistika* often corresponds to the knowledge of foreign languages. Linguists pay attention to it, for example, M.Krongauz. The relations between the terms continue to develop and change, which does not stop them from naming the language science in different situations, including such derivatives as *yazykovedy* (linguists), *lingvisticheskiy* (linguistic). Restrictions in word formation allow to see a kind of a suppletive derivational paradigm: y*azykoznanie → yazykovedcheskiy → lingvisticheskiy*. It is important to note that the terms function in a number of other names, such as *lingvisticheskie ucheniya* (liunguistic studies)*, nauka o jazyke* (language science)*, teoriya yazyka* (language theory).

References

1. *Berezhan S.G.* K semasiologicheskoy interpretatsii yavleniya sinonimii // Leksicheskaya sinonimiya: sb. st. M.: Nauka, 1967. S. 43–56.

2. *Shmelev D.N.* Problemy semanticheskogo analiza leksiki (na materiale russkogo yazyka). M.: Nauka, 1973. 280 s.

3. *Novikov L.A.* Sinonimiya // Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' / pod red. V.N. Yartsevoy. M., 1990. S. 446–447.

4. *Reformatskiy A.A.* Vvedenie v yazykovedenie. 4-e izd., ispr. i dop. M.: Prosveshchenie, 1967. 542 s.

5. *Kondrashov N.A.* Istoriya lingvisticheskikh ucheniy: ucheb. posobie. M.: Prosveshchenie, 1979. 224 s.

6. *Istoriya* russkikh lingvisticheskikh ucheniy: metodicheskie i khrestomatiynye materialy / Perm. un-t; sost. T.I. Erofeeva. Perm', 1998. 152 s.

7. *Cheremisina M.I.* Yazyk i ego otrazhenie v nauke o yazyke / otv. red. N.B. Koshkareva, A.A. Mal'tseva. Novosibirsk: NGAEiU, 2004. 228 s.

8. *Norman B.Yu.* Teoriya yazyka: Vvodnyy kurs: ucheb. posobie. 3-e izd. M.: Flinta: Nauka, 2009. 296 s.

9. *Sossyur F. de.* Kurs obshchey lingvistiki (1931) / per. s frants. A.M. Sukhotina; pod red. A.A. Kholodovicha // Sossyur F. de. Trudy po yazykoznaniyu. M., 1977. S. 7–285.

10. *Uspenskiy B.A.* Pervaya russkaya grammatika na rodnom yazyke: (Dolomonosovskiy period otechestvennoy rusistiki). M.: Nauka, 1975. 232 s.

11. *Lomonosov M.* Rossiyskaya grammatika. SPb., 1755 (faksimil'noe izdanie – M.: Khu-dozh. lit., 1982).

12. «*Rossiyskaya* grammatika» A.A. Barsova / podgot. teksta i komment. M.P. Tobolovoy; red. i predisl. B.A. Uspenskogo. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1981. 776 s.

13. *Vostokov A.Kh.* Sokrashchennaya russkaya grammatika dlya upotrebleniya v nizshikh uchebnykh zavedeniyakh. SPb., 1831.

14. *Vostokov A.Kh.* Russkaya grammatika po nachertaniyu sokrashchennoy grammatiki, polnee izlozhennaya. SPb., 1831.

15. *Vinogradov V.V.* Iz istorii izucheniya russkogo sintaksisa (ot Lomonosova do Potebni i Fortunatova). M., 1958. 400 s.

16. *Buslaev F.I.* Prepodavanie otechestvennogo yazyka. M., 1992. 512 s. (Vosproizvodit pervoe izdanie knigi – 1844 g.; v 1867 vykhodilo 2-e; zatem v 1941 g. – 3-e, sokrashchennoe).

17. *Chernykh P.Ya.* Istoriko-etimologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka: 13 560 slov: T. 1; A – Pantomima. M.: Rus. yaz., 1993, 623 s.

18. *Buslaev F.I.* Istoricheskaya grammatika. M., 1959. 623 s. (vosproizvodit 5-e izd. 1881 g.; 1-e izd. vyshlo v 1858).

19. *Budde E.* O zaslugakh Buslaeva kak uchenogo lingvista i prepodavatelya: (Rech', chitannaya v torzhestvennom zasedanii Kazanskom obshchestve arkheologii, istorii i etnografii 28 sentyabrya 1897 goda) // Buslaev F.I. Prepodavanie otechestvennogo yazyka. M., 1992. S. 480–493.

20. *Shcherba L.V.* I.A. Boduen de Kurtene (1930) // Shcherba L.V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'. L., 1974. S. 381–394.

21. *Boudouin de Courtenay J.N.* Dzieła wybrane. Warszawa, 1974. T. 1.

22. *Boduen de Kurtene I.A.* Vvedenie v yazykovedenie. 6-e izd. / predisl. V.M. Alpatova. M., 2004. 320 s.

23. Kibrik A.E. Kuda idet sovremennaya lingvistika? // Lingvistika na iskhode XX veka: itogi i perspektivy: Tez. mezhdunar. konf. T. 1. M.: Filologiya, 1995. S. 217–220.

24. *Alpatov V.M.* Sto let, ili Sbyvayutsya li prognozy? // Voprosy yazykoznaniya. 2003. №2. S. 114–121.

25. *Filologicheskiy* fakul'tet Moskovskogo universiteta: ocherki istorii. M., 2001. 557 s.

26. *Shmeleva T.V.* O termine rechevedenie // Lingvisticheskiy ezhegodnik Sibiri / pod red. T.M. Grigor'evoy. Krasnoyarsk, 1999. Vyp. 1. S. 32–38.

27. *Zaliznyak A.A.* Grammaticheskiy slovar' russkogo yazyka: slovoizmenenie. M., 1977. 880 s.

28. *Lisitsyna T.A.* Yazyk russkoy nauki vtoroy poloviny XVIII veka: terminologiya iskusstvoznaniya. SPb., 1994. 235 s.

29. *Sedov K.F.* Model' kommunikativnoy kompetentsii (ontologicheskiy, aksiologicheskiy, gnoseologicheskiy aspekty) // Problemy rechevoy kommunikatsii: mezhvuz. sb. nauch. tr. / pod red. M.A. Kormilitsynoy. Saratov, 2010. Vyp. 10. S. 183–210.

30. *Sobol E.* Podręszny słownik języka polskiego. Warszawa, 1999.

31. *Krongauz M.* Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva. M.: Znak: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007. 232 s.

32. *Shmeleva T.V.* Kul'turnaya pamyat' slova. Kham // Novgorodskiy universitet. 1998. 4 dek. № 37. S. 13. (Rech' o rechi).

33. *Shmeleva T.V.* Kul'turnaya pamyat' slova. Dekan // Universitetskaya zhizn'. Krasnoyarsk, 1999. 10 fevr.

34. *Shmeleva T.V.* Kul'turnaya pamyat' slova. Gubernator // Universitetskaya zhizn'. Krasnoyarsk, 1999. 24 fevr.

35. *Bartvitska Kh., Shmeleva T.V.* Kul'turnaya pamyat' slov vaucher, gubernator, kham v russkom i pol'skom yazykakh // Słowotwórstwo, semantyka i składnia języków słowiańskich / pod red. M. Blicharskiego. Tom 2. – Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu śląskiego. – 2000. – S. 81–90.

36. *Pospelov E.M.* Imena gorodov: vchera i segodnya (1917–1992): toponimicheskiy slovar'. M., 1993. 250 s.

37. *Berezin F.M.* Istoriya sovetskogo yazykoznaniya: Nekotorye aspekty obshchey teorii yazyka: khrestomatiya. M., 1981. 351 s.

38. *Alpatov V.M.* Mirovaya lingvistika XX veka i natsional'nye lingvistiki // Voprosy filologii. 2001. №3. S. 16–24.